

Зов родной земли

Алексей Кондратенко

Жанр новой книги «Узелки на память» Татьяна Грибанова определила так: поэма о природе. Небольшого формата, прекрасно оформленный сборник недавно вышел в издательстве «Картуш».

Замечу, что это вовсе не такие привычные всем заметки фенолога. Читатель, открывший эти страницы, увидит не только серию зарисовок милой сердцу русского человеку природы средней полосы. Книга получилась не о природе собственно, а о природе в человеческой душе. За внешним фоном повествования явно слышны вопросы социально-философского порядка: кому наследовать землю предков, почему новые поколения равнодушны к судьбе малой родины, каким будет завтрашний день вековых деревьев? Есть немало размышлений о вере и Боге, о смысле человеческой жизни. Природа выступает в книге своеобразным зеркалом, смотрящим в которое, мы можем многое познать в самих себе.

Однако замечу сразу, что в итоге страницы не сложились в абстрактный философский трактат на примере выдуманного Средиземья или иной несуществующей страны. Нет, это книга вполне земная, более того, отражающая, описывающая совсем небольшую сельскую островок, затерянный где-то между малыми притоками Оки, западнее Кром и южнее Нарышкино. Зарисовки фиксируют для будущего читателя названия урочищ и перелесков, превращаются в своеобразную карту, по которой, возможно, много лет спустя кто-то попытается понять, как именовали предки свои исконные владения.

Мастер прозы Татьяна Грибанова стремится услышать, открыть язык природы, очеловечить ее. Не случайно поэтому едва ли не на каждой странице книжки малого формата присутствуют два-три, а то и больше местных названий. Более того, даже у сельских котлов в зарисовках непременно не только прозвища, но и отчества. Курьез ли это? Нет, наверное, влияние стиля сказок и сказов.

Содержание «Узелков на память» — не просто словесная ткань, сотканная руками талантливого человека. Это результат большой работы обладателя определенной профессии, определенного жизненного опыта, а не только яркие воспоминания о далеком уже деревенском детстве. Да, без тех благословенных поживших дней в деревенской глубинке ни в коем случае не сложилась бы эта проза. Но была бы она куда примитивнее, если бы не было много еще чего в жизни автора.

Хочу кратко обозначить те моменты, которые, на мой взгляд, определили в итоге неповторимый стиль прозы Татьяны Грибановой. Это учеба на факультете иностранных языков (а значит, привито умение вслушаться в звучание слова, точное «отмеривание» его значения, наполненности, сочетаемости с другими словами, понимание его особенности и красоты на фоне чужих наречий). Это годы работы учителем (в миниатюрах порой так и слышится доверительная побуждающая интонация, присущая учителям, — с читателем Татьяна Грибанова нередко разговаривает как с пытливым учеником). Это зоркий, не упускающий деталей взгляд художника, народной мастерицы. А еще это голос поэта, автора нескольких книг стихов. Не забудем и о характере, натуре автора — человека яркого, беспокойного, любящего действовать и получать отклик от окружающих людей.

Соедините все это вместе и увидите, сколь много «самодетных камней» оказалось в авторской творческой копилке Татьяны Грибановой. Оттого написанный ею текст так насыщен, так опрятен и богат многоцветьем, точной и живой «фотографией бытия». В первую очередь обращает на себя внимание мощная, жизнеутверждающая энергия, которую создает умелое и щедрое использование глаголов (а также причастий, существительных, образованных от глаголов и т.д.). Автору чуждо простое созерцание. Приведу два примера того, как «наизызывание» глаголов помогает описанию, казалось бы, статичной природы.

«Где-то там, в поднебесье, в чуть видимой выси, большой беспокойной стаей торопились озабоченные овсянки. О чем-то спорили, сутелились, судачили тонкосенькими голосками. И все нестройно, неладно, невпопад. Не прислушиваясь, пребывая друг дружку, словно где-то далеко-далеко переругивались, перетягивались торговки на шумном осеннем базаре» («Ястребок»).

«Согнул, плашмя распластал побуревшие от проливной сухобальнишки залотовавший ноябрьский свирок. За пару суток до Казанской долины меж Кромой и хутором Игинским подзавяз завалило снегами. Занесло, укрыло ровным-ровнехонько, уже и не видать на луговине ни кро-

товых кочек, ни одной-разьединной ямочки. Сплошная кипенная гладь, неожиданно-негаданно по краешку зари обронившаяся на чернотроп» («По первозимку»).

Еще один метод работы прозаика, весьма характерный для Татьяны Грибановой, — авторская передача цветовой гаммы, описание пути солнечных лучей. Приведу в пример несколько характерных отрывков.

«Спелыми ранетками закатились в травы бордовые шаприки клеверов. В низине, у ручья, дробной душистой крупочкой просыпалась томножелтая таволга да кремевые валерианники, а с ними рядышком раскачиваются на длинных тонкосеньких стебелечках неказистые ятрышники, красно-коричневые шенки кровохлебок да зефирно-розовые раковые шейки» («Акулинин луг»).

«Косые лучи падают сквозь золотую листву на темно-зеленую воду и отражаются от нее. Свет проникает в заросли лещины, поджигает, мечет краспалаковые искры. Вспыхивает кадмиевыми, карминовыми россыпями. Солнце играет в рубиновых сергах бесскелетов, падает в жухлые травы, лянтит и без того рыбые мухоморы. С могучей липы ручьями стекает листва. Кажется, слышно ее дремотное журчание» («Крестины»).

А вот яркое, запоминающееся читателю сочетание использования глаголов и цветопередачи: «И чудится мне, будто слышу я, как переговариваются, шушукуют, кружатся в последнем танце, роняясь в кружева позолоченной палороти, повисая на тончайших качелях серебряных паутин, пурпурные и сусальные листья. Как потихонечку осыпается в деревьях старого урочища его кровь. Загнетиться ей суждено теперь лишь после Сретенья» («На опушке»).

Татьяна Грибанова своим пристальным писательским взглядом ненавязчиво подсаживает читателю: в окружающем мире цвет не случаен — он знак, который мы должны прочесть, понять, мы обязаны увидеть в природном цвете суть происходящего, смысл бытия.

Еще одна особенность ее творчества — стремление сочетать локальное и масштабное, всемирное. Так, облако с горы Фавор по небу доплывает до ее родной деревеньки («Облака»), а для зачинов рас-

сказов о растениях (раздел «Пантелеймонов зелений») используются их упоминания в Священном Писании. И понимание удобства и красоты домотканой одежды приходит к автору только в Италии (замечу, что зарисовка «Кировская посконь» — великолепный образец прекрасного, мастерски сделанного этнографического очерка). Большой масштаб писательского зрения вовсе не умаляет значения родной сторонки, свидетельством чему обращенные, насколько понимаю, к молодому читателю книги слова одного из героев, селянина Егора, пережившего чеченский плен и ставшего священником и художником: «Да... детство... Не понимали, в каких чудных местах родились, не замечали» («Крестины»).

Есть в новой книге и немногие страницы, строки, о которых хотелось бы подискутировать, поспорить, предложить, что-то уточнить. Мне кажется, например, что в иных местах авторская логика дает сбои. Возьмем фразу: «Наши пращурцы не сомневались в том, что душа умершего переселяется в этот необычный цветок» («Неувядка»). Это утверждение выглядит нелепым: в самом деле, кто имеет право обобщать и категорически утверждать, в чем сомневались, а в чем не сомневались наши многочисленные пращурцы?

Диссонансом в массиве книги звучат сентенции, собранные в миниатюре «Скука»: «Вездесущая проныра-скука ухитряется пролезть во все уголки и каморки усадьбы»; «И без того небогатая разнообразием крестьянская жизнь становится еще беднее и бесцветнее» и т.д. Наверное, автору стоило подобрать более точное определение душевного настроения (может быть, «уныние», «тоска», «грусть» и т.д.). Собственно скуке, по-моему, нет места в вечном движении бытия природы.

Однако включение в книгу подобной минорной миниатюры, на мой взгляд, вовсе не ошибка. Наоборот, на фоне

множества восторгов природой вдумчивому читателю, наверное, не хватает некоей горчинки в меду, отражения и других сторон жизни: озадачивающих, противоречивых, драматических, а то и трагических. Я обратил внимание на то, что герои рассказов — в основном старики и малые дети. А как-то живет нашему современнику, человеку средних лет в русской деревне начала XXI века? Вопрос, увы, не риторический. Конечно, критик не вправе требовать от писателя «дописывания» тех или иных страниц. Но ведь никто не оспорит и знаменитую фразу Андрея Платонова «А без меня народ неполный».

Наверное, при последующих переизданиях книги стоит обратить внимание на это. Но, прямо скажем, не такие моменты определяют общую ценность книги. В целом хочется поздравить автора с выходом в свет пусть небольшого по объему, но очень искреннего, насыщенного любовью и светлой надеждой литературного произведения. Благодаря труду над словом удалось передать пронзительную красоту и ценность бытия. И это главное. Зарисовки стали в один созвучный ряд со стихами Афанасия Фета:

*Не жизни жаль
с томительным дыханьем, —
Что жизнь и смерть?
А жаль того огня,
Что просиял над целым
мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет,
уходя.*

Напомню строки из книги «Узелки на память»: «Душа не может сжиться с каждодневной жестокостью и серостью земного обиталища. Манит ее родной дом — бесконечно прекрасные и извечно юные небесные чертоги». Вот так жить и держаться подалше от каждодневной жестокости и серости эта книга, надеюсь, поможет и душам читателей.